

Цзян Шаочжи включил душ. Тёплые струи воды полились. Ванная комната быстро наполнилась туманным паром. Зеркало покрылось мелкими каплями воды. Тун Цинхэ прислонился к зеркалу, его ладони упирались в него, разбивая капли воды, он чуть не поскользнулся.

— Дядя, — его язык не слушался. Он вспомнил о нелепости, случившейся в прошлый раз, и его сердце бешено забило. Он нерешительно спросил: — Почему ты меня здесь запер?

На другой стороне Цюн-ци, наконец, успокоился. Маленькая коала погрузилась в сладкий сон. Его едва успокоившееся сердце снова напряглось. Он жалобно позвал:

— Дядя.

Затем он назвал альфу по имени:

— Цзян Шаочжи.

Тун Цинхэ редко называл Цзян Шаочжи по имени. Бровь Цзян Шаочжи слегка приподнялась. На его губах появилась едва заметная улыбка.

Он снова притянул Тун Цинхэ к себе. Ладонь легла на кончики его волос. Он погладил его. Волосы, несомненно, были влажными, но не от тёплой воды.

Цзян Шаочжи не торопился, он предпочитал наблюдать за изменениями в эмоциях Тун Цинхэ.

Он не хотел пропустить ни малейшего изменения в омеге. Это было похоже на то, как охотник наблюдает за своей целью. Добыча уже в его ловушке, но перед тем, как нанести удар, они любят изучать.

Тун Цинхэ отвернулся. Цзян Шаочжи слегка повернул его обратно.

— Тун-Тун, — его грубый палец скользнул по его подбородку. Цзян Шаочжи уставился в его янтарные глаза, — Ты всё время боялся меня, страшился.

Тун Цинхэ поспешно отвёл взгляд. Цзян Шаочжи заставил его поднять голову:

— Я прав? Почему?

Цзян Шаочжи задумался:

— Из-за Цзи Ваня?

— Нет... — Горячая вода в ванной обжигала глаза Тун Цинхэ. Пар делал его глаза красными и

воспалёнными. Он хотел что-то объяснить, но в этот момент почувствовал себя бессильным.

Рука Тун Цинхэ, державшая Цзян Шаочжи за предплечье, медленно разжалась. Он запытался, прядясь в широких, сильных объятиях альфы. Его волосы промокли и прилипли к шее. Тонкая, белая шея, которую, казалось, можно было сломать одним движением.

Омеги всегда были такими хрупкими. Их сердца тоже были мягкими и уязвимыми.

Цзян Шаочжи не стал сразу заставлять Тун Цинхэ говорить. Он не мигая смотрел на железу, которую омывала вода. Она была словно окрашена румянами, медленно проявляя соблазнительный цвет.

В безмолвной тишине слышался тихий голос Тун Цинхэ:

— Дядя, я боюсь, что стану не тем, кем был раньше.

В его психологической защите образовалась маленькая брешь. Тун Цинхэ весь дрожал, сдерживая эмоциональные волнения. Цзян Шаочжи выключил воду. Затем он поднял его. Оба, мокрые насквозь, вернулись в спальню, чтобы переодеться в чистую пижаму.

Цзян Шаочжи вышел, вытер лицо Тун Цинхэ. Он застегнул пуговицы пижамы. Посмотрев на него, он увидел, как его глаза блестят от влаги. Они снова стали мокрыми.

Он посадил омегу на колени, обняв его. Его ладонь ритмично похлопывала его. Он ждал, пока тот заговорит.

Тун Цинхэ сглотнул. Цзян Шаочжи поднял стакан и напоил его водой. Когда он немного успокоился, Тун Цинхэ посмотрел на своего альфу:

— Я боюсь, что стану зависимым от тебя.

— Дядя, ты не омега, ты не можешь понять, каково это.

Он был в бреду:

— Цзи Вань прав. Наша дифференциация второго пола изначально отличается. Это предопределено с рождения. Я не такой сильный, как ты.

Альфа стоит на вершине. Он искусен в завоевании. А они, самые слабые в нижней части цепи, являются первой целью для завоевания. Дрожь от потери себя, внутренний страх, неконтролируемая отдача себя другому человеку, полная зависимость от альфы. Страх, который он не мог выразить, заставлял его чувствовать себя потерянным и опустошённым.

Тун Цинхэ сбивчиво спросил:

— Дядя, ты понимаешь...

Цзян Шаочжи сжал его запястье, глубоко заглядывая в его избегающие глаза:

— Тун-Тун, я никогда не предаю тебя.

Альфа не мог чувствовать то же, что и омега. При той же потере себя инстинкт альфы — это доминирование и завоевание. Омега же отдаёт всё. Так было predetermined, и гены нельзя было изменить.

Но они могли дать омеге единственную в своём роде защиту и обещание на всю жизнь. Цзян Шаочжи был готов подчиниться и уступить Тун Цинхэ. С момента метки омеги это была его ответственность, его верность омеге.

— Не бойся, — Цзян Шаочжи поцеловал его в ресницы, — Что бы ты ни хотел делать, скажи мне. Что бы ты ни хотел делать, скажи мне.

Цзян Шаочжи поднял лицо Тун Цинхэ. Его палец обвёл его брови и глаза:

— Тун-Тун, поверь мне.

Тун Цинхэ шмыгнул носом:

— Я не сомневаюсь в дяде. — Он просто боялся этого чувства бессилия, боялся, что однажды, даже с альфой рядом, он всё равно потеряет себя.

К счастью, они с альфой уважали друг друга. Но врождённое подчинение, введённое в кости, всё равно пугало его. Тун Цинхэ плакал. Он пошёл умыться. Вернувшись, он принял тёплое молоко от Цзян Шаочжи, выпил его и приготовился отдыхать.

Цзян Шаочжи сушил его мокрые волосы феном:

— Сегодня не возвращаешься в общежитие. Спишь здесь?

Тун Цинхэ на самом деле беспокоился о состоянии Цзи Ваня. Он подсознательно постучал по чашке с молоком. Идти сейчас он не хотел. В конце концов, он только что открыл своё сердце альфе. Это было время для укрепления отношений. Он не хотел уходить, и начал полагаться на своего альфу.

Цзян Шаочжи видел его беспокойство. Он взял пустую чашку, умело расправил подушки, застелил постель и лёг, притянув его к себе:

— Пора спать.

— Дядя... — Тун Цинхэ схватил завязку пижамы Цзян Шаочжи. Он серьёзно, торжественно обхватил его лицо, сжал губы и легонько поцеловал его.

Он объяснил:

— Это поцелуй на ночь.

Сказав это, он попытался обхватить Цзян Шаочжи обеими руками, стараясь обнять его целиком.

Цзян Шаочжи немного изменил позу, чтобы Тун Цинхэ было удобнее обнимать. Поза объятий могла отражать доминирующую позицию человека. Цзян Шаочжи был снисходителен к своему омеге, но его характер был сильным, поэтому его объятия часто выражали обладание. Он почти полностью заворачивал Тун Цинхэ в себя, заявляя, что это его человек, и даря ему бесконечное чувство безопасности.

Действия Тун Цинхэ выражали осторожность, бережность и заботу. Он делал это нежно, с намёком на проверку. В конце концов, это была активная демонстрация обладания со стороны омеги, с застенчивостью и удовлетворением. На самом деле, ему было достаточно просто нежно обнять альфу, чтобы почувствовать, что он его защищает.

Физический контакт может укрепить чувства между партнёрами, это был их интимный способ общения. С момента приезда в тренировочный лагерь Тун Цинхэ не успел укрепить отношения со своим альфой. Он корил себя за эту оплошность, обнял Цзян Шаочжи за голову, поцеловал его в лоб, а затем, под вопросительным взглядом альфы, медленно слез с кровати.

Тун Цинхэ хотел вернуться в общежитие.

Цзян Шаочжи встал. Он подвёл его к изножью кровати:

— Уходишь?

Тун Цинхэ:

— А?

Цзян Шаочжи посмотрел на человека, который довольствовался малым, и начал направлять его:

— Тун-Тун, ты никогда не думал попробовать поменяться ролями?

Он сказал:

— Попробуй подчинить своего альфу.

Тун Цинхэ всё ещё был ошеломлён. Цзян Шаочжи посадил его и сказал:

— Твои феромоны оказывают на меня сильное успокаивающее действие. Только ты можешь это сделать. Почему бы тебе не попробовать использовать это, чтобы соблазнить меня, сбить мой рассудок, а затем отдать мне приказ? Я в руках Тун-Туна тоже не смогу сопротивляться, я подчинюсь твоему приказу.

Тун Цинхэ:

— ...

Цзян Шаочжи протянул ему руку, показывая, что не будет сопротивляться.

Тун Цинхэ подошёл, обхватил лицо альфы. Его мягкие губы прижались ко лбу. Элегантный, свежий аромат жасмина медленно сплетался в тонкую, нежную сеть, опутывая альфу.

На лице Цзян Шаочжи медленно выступил пот. Тун Цинхэ вытер его и сказал:

— Дядя, пожалуйста, не выпускай свои феромоны.

Он сказал «пожалуйста», не осмеливаясь сказать «не смей».

Он подождал немного. Цзян Шаочжи оставался неподвижным, позволяя омеге командовать собой. Тун Цинхэ набрался храбрости. Жасмин стал более густым, растекаясь по спальне, как тихо текущая река.

Он не мог создать бушующие волны, как Цзян Шаочжи. Феромоны, распространяющиеся повсюду, повышали температуру тела альфы. Его лицо и уши горели. Его поцелуи становились более открытыми. Боясь, что альфа в любой момент может сопротивляться, он, наблюдая за ним, бормотал:

— Не двигайся.

— Дядя, я хочу подчинить тебя.

Сам Тун Цинхэ покраснел больше, чем Цзян Шаочжи. Его голова кружилась. Он начал говорить несвязно. Это был самый смелый приказ, который он осмелился отдать.

После утренней тренировки голова Тун Цинхэ была тяжёлой. Он чувствовал, что вот-вот взлетит. Он не мог поверить в то, что сделал прошлой ночью, но его альфа действительно послушался его слов. Это придало ему уверенности.

Тун Цинхэ беспокоился о Цзи Ване. Закончив стоять смирно, он сразу же нашёл Цзи Ваня. Он увидел, что тот прячется за кустами.

Цзи Вань достал из кармана две таблетки и, запив водой, проглотил их.

Федерация не поддерживает, и лишь в немногих местах омегам продают abortивные препараты. Тун Цинхэ вздрогнул. У него возникли плохие предчувствия. Он побледнел и подошёл к нему, тихо спросив:

— Что ты принимаешь?

Цзи Вань, которого не видели целую ночь, выглядел ещё более измученным. Его и без того тонкая фигура была худой, как лёгкий лист бумаги.

Тун Цинхэ боялся, что его услышат:

— Не делай ничего, что может навредить тебе...

<http://bllate.org/book/4/100>